

Утро четверга, 23 июня, прошло в почти бешеной активности. Гарри поднялся с постели чуть раньше девяти утра, быстро принял душ, ещё быстрее оделся и практически бегом спустился вниз, чтобы позавтракать. Кикимер, зная, что это его последняя возможность сразиться с "дворянкой-полукровкой", приготовил, казалось бы, вкусный завтрак - настолько, что Гарри забыл, с кем имеет дело, и откусил от невинно выглядевшего пончика. К сожалению, пончик оказался начинен не кремом или джемом, а майонезом. Отплевываясь, Гарри попытался вымыть вкус изо рта тем, что выглядело как тыквенный сок, но на самом деле было тщательно разбавленной грязной дождевой водой.

Не желая рисковать беконом или яичницей - ведь только Бог знает, что сделал с ними этот маленький псих, но, скорее всего, ничего приятного - Гарри выкинул центральный предмет сервировки стола (жуткую чёрную железную вазу, украшенную жуткими изображениями пыток или крайне извращённого секса; Гарри не знал, что было более неуместно на обеденном столе) на эльфа и, запустив в рот бичевку, приготовил себе овсяную кашу. Однако он не счёл нужным предупредить Сириуса или Ремуса о саботаже, проверив лишь, не подсыпал ли Кикимер в еду порошкообразное серебро или что-нибудь ещё более вредное, после чего уселся смотреть представление. Это было справедливо, подумал он, поскольку был уверен, что двое старших волшебников пытались использовать его в качестве "сапёра Кичера", дожидаясь, пока он спустится поесть, прежде чем спуститься самому.

Вообще-то, подумал он, наблюдая за тем, как эльф уворачивается от гексов и бросает оскорбления в двух разъяренных волшебников, в Кичере определенно есть немного от Мародеров, даже если это сдерживается неприкрытым фанатизмом и злобными намерениями Вальбурги Блэк.

Наконец, эльф отступил, и Мародёры успокоились (насколько вообще могли успокоиться два Мародёра). Ни один из них не заметил, как Гарри связал их шнурки, как только они сели; он решил, что это будет последняя шутка, которую он сыграет с ними перед своим отъездом во второй половине дня. Отлучившись, чтобы собрать вещи, он прислушался к звуку, который издавали два проказника, спотыкаясь и падая, и широко ухмыльнулся, услышав громкое "Блин! Когда-нибудь я убью этого проклятого эльфа!".

Гарри не пришлось много собирать, а то, что было, он убрал очень быстро, так как теперь за него все делали простые чары. Он немного беспокоился за Хедвиг: ей было слишком далеко лететь, а совы вообще плохо реагировали на портключи. Впрочем, это было неизбежно; ей придется просто смириться. Он знал, что еще большее раздражение вызовет тот факт, что ей придется лететь под ширмой - она будет казаться большим попугаем, что, по его мнению, будет выглядеть недостойно. Он набрал побольше совиных лакомств, чтобы быть уверенным, что ему удастся вернуть ее расположение, но это не спасло его от надменного "улюлюканья" и последнего мстительного поклева, достаточно сильного, чтобы пустить кровь, когда он закрывал ее клетку.

Когда он заканчивал работу, его мысли вернулись к Гермione и Рону. Он не сказал им ни о своих планах на лето, ни о том, что покинул нежный кров Дурслей, и не собирался этого делать. Но что его несколько удивило, так это то, что он не чувствовал за собой ни малейшей вины, хотя даже краткое размышление давало ему достаточно оснований держать свои планы в тайне. Он знал, что Гермiona тут же попытается отговорить его - ведь Дамблдор велел ему оставаться в доме номер 4 по Прайвет-драйв, а для неё это было практически Евангелие,

несмотря на отсутствие веских причин, по которым директор школы должен иметь хоть какое-то отношение к его планам на каникулы, - а затем, если это не удастся, сообщит Дамблдору, что его пожелания игнорируются. Это, конечно же, привело бы к тому, что Дамблдор разыскал бы его, разыграл бы "разочарованного дедушку/школьного учителя/мудрого старого волшебника" и нашёл бы способ сделать так, чтобы Рон не смог покинуть номер 4. Рон сначала сразу же расскажет об этом Гермионе, а затем найдет способ позавидовать удаче Гарри, забыв, что предыдущим летом он отправился в путешествие в Египет (о котором он часто и много хвастался в течение всего предыдущего учебного года). В любом случае планы Гарри будут разрушены, а дружеские отношения запятнаны неизбежным предательством, хотя никто из них не считает свою неизбежную реакцию таковой. Нет, Гарри не собирался посвящать в свои планы ни одного из своих близких друзей; это было его приключение, и, может быть, он расскажет им о нём по дороге в Хогвартс.

Освободив голову от столь тягостных мыслей, Гарри вдруг заметил, что уже давно закончил собирать вещи. Он спустился вниз, чтобы в последний раз пообщаться с Сириусом и Ремусом, которые в данный момент читали газету в гостиной. Вернее, Ремус читал газету, а Сириус пытался отвлечь его, пытаясь неудачно жонглировать, похоже, дорогими украшениями. Разбив и отремонтировав все три украшения в пятый раз, Сириус сдался и обратил все свое внимание на Гарри, который как раз в этот момент вошел в комнату.

"Oi 'arry, lad, geh o'er 'ere," Sirius called, doing a pretty good impression of Hagrid. "Взгляни-ка сюда".

Сириус протянул маленькое зеркальце, и Гарри взял его в руку.

"Спасибо, Сириус, но я уверен, что никакая прическа не поможет мне лечь ровно", - пошутил Гарри.

Ремус ухмыльнулся, а Сириус разразился хохотом. "Отлично, мой крестник", - сказал Сириус, все еще слегка посмеиваясь. "У меня тоже есть такое. Это зеркала связи. Просто посмотри в него и произнеси мое имя, и мы сможем разговаривать на любом расстоянии. Что-то вроде портативного флоу".

"Великолепно!" Гарри чуть не вскрикнул; даже после трёх лет знакомства с магическим миром он всё ещё не переставал удивляться количеству хитроумных заклинаний и артефактов. "Я беспокоился о том, как мы будем поддерживать связь, ведь для совы это явно слишком далеко, а если ты охотишься на крысу, то не всегда будешь иметь доступ к флоу".

Гарри тут же наложил на зеркало несокрушимые чары: они не защитят от огня заклинаний, но не дадут ему разбиться, если он уронит его или упадёт с зеркалом в кармане. Ремус удовлетворенно кивнул, одобряя предусмотрительность Гарри. Сириус, видимо, никогда не задумывавшийся об этой предосторожности, незаметно наложил те же чары на своё зеркало, но хитрые ухмылки, промелькнувшие между Гарри и Ремусом, ясно указывали на то, что его поймали.

"Я буду звонить тебе по зеркалу, когда получу лицензию на аппарирование, - сказал Гарри, - и в любое время, когда у меня появятся новости или я соберусь в однодневную поездку. И, наверное, если мне захочется просто поболтать, раз уж позвонить будет так легко".

"Хорошая идея; мы с Сириусом как раз собирались попросить тебя сделать именно это", - сказал Ремус, довольный тем, что Гарри не просто хочет, а очень хочет поддерживать с ним контакт - мало кто из мальчиков-подростков мог бы так поступить. Мародёры в этом возрасте точно бы не стали. "Мы будем звонить тебе, чтобы сообщать о ходе охоты на крыс, а также о любой информации о Дамблдоре, Хогвартсе или твоих друзьях. А ещё, - продолжил он, вручая Гарри надувной мяч размером со сливу, - вот твой портключ в Филадельфию. Он сработает, когда ты в первый раз скажешь "англичане идут", после того как ты подпрыгнешь на нём один раз".

"И еще одно, Гарри, - сказал Сириус, его лицо было несколько более мрачным, чем обычно. "Вот это, - он протянул руку, и в его ладонь легло тонкое бронзовое кольцо, - это аварийный портключ. С его помощью вы сможете вернуться сюда, в эту гостиную, из любой точки мира. Если вы попадёте в беду, произнесите фразу активации - "Убежище" - и он вернёт вас в безопасное место. И не волнуйся, мы с Ремусом тоже носим по одному".

"Мы сделали его вчера вечером, после того как вы легли спать", - сказал Ремус. "Видишь руны, выгравированные на внутренней стороне ленты? Благодаря им амулет будет действовать до тех пор, пока кольцо цело, а руны на внешней стороне кольца защитят его от расплавления, пореза или раздавливания. Мы носили такие портключи во время войны с Волдемортом; собственно, единственная причина, по которой твои родители не воспользовались ими, чтобы сбежать той ночью, заключалась в том, что Волдеmort наложил на дом мощный антипортключевой сглаз - поэтому Сириусу пришлось прилететь на мотоцикле".

"Спасибо вам обоим, - сказал Гарри, надевая кольцо на мизинец левой руки (где оно тут же стало невидимым), одновременно удивлённый и тронутый тем, как много усилий приложили эти два человека, которых он практически не знал, чтобы обеспечить ему весёлое и безопасное лето. То, что о нём заботятся люди, которым он небезразличен, было новым, но очень приятным ощущением, и Гарри знал, что в этом году он впервые почти не пожалеет о том, что уехал в Хогвартс в сентябре.

Гарри крепко обнял каждого Мародёра, затем взялся за ручку своего сундука и за клетку Хедвиг и подпрыгнул на шаре, "вооружившись" портключом.

"Огромное спасибо за всё", - сказал Гарри, внезапно охваченный эмоциями. "Я буду скучать по вам, ребята".

Ремус и Сириус с трудом сдерживали слёзы и тоже были несколько подавлены характером ситуации. Ведь Гарри был единственным наследником (и виртуальным двойником) их лучшего друга, их студентом, их фактическим подопечным (по крайней мере, с этого момента), самым близким человеком для обоих мужчин, а теперь они прощаются с ним, едва узнав его.

"Не делай ничего такого, чего не сделал бы я!" воскликнул Сириус, а Ремус одновременно сказал: "Постарайся не попадать в неприятности!".

Все трое разразились хохотом, а Гарри, ухмыляясь, выкрикнул фразу активации портключа.

"Британцы идут!"

<http://tl.rulate.ru/book/96404/3297419>